

ГЕРМЕНЕВТИКА

Варвара ОЛЕЙНИК

Магистр философского факультета.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский пр-т,
д. 27, к. 4;
e-mail: varvara994@yandex.ru

ПЕРЕОПИСЫВАЯ МИР: МЕТАФОРА НА ПУТИ К БЫТИЮ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируется философия диалога П. Рикёра – философско-антропологическая концепция человека как говорящего бытия (*l'être-parlant*) в контексте проблемы метафоры. Рассматривается диада язык/речь, субъект/человек. В этой связи анализируется роль метафоры как символической функции языка в поэтическом и философском дискурсах. Рассматривается тезис Рикёра о метафорической истине и связи живой метафоры с бытием человека.

Ключевые слова: живая метафора, мир, человек, философская герменевтика, субъект, Рикёр, символическая функция языка, речь, дискурс, бытие

Философия диалога П. Рикёра видит тесную взаимосвязь между смыслом, текстом и человеческим действием. Философию диалога Рикёра можно рассматривать как попытку выхода из кризиса философии субъекта, эта попытка представляет собой археологию субъекта [1, с. 18–30], т.е. поиск человека. В этом поиске Рикёр идёт путем герменевтики [4, с. 42–49], которая должна обнаружить человека в его бы-

тии в мире [4, с. 371]. Археология субъекта – это своего рода расшифровка бытия человека из учреждаемого им мира культуры. Однако в отличие от структуралистской лингвистики или психоанализа, в дискуссии с которыми формировался метод Рикёра, философская герменевтика избегает редукции к структуре, объективации языка, или тотальности бессознательного. Философская герменевтика должна обнаружить, как интерпретация берёт своё начало в проблематике существования, т.е. в бытии человека.

В творческом высказывании человек, полагает Рикёр, стремится за пределы себя, и в этом движении язык является медиумом, средой, в которой субъект полагает себя и мир обнаруживает себя [4, с. 358]. В этом смысле текст для философской герменевтики выступает в качестве культурологического материала для обнаружения бытия человека, его живого опыта в отношении познаваемого им мира. В таком подходе субъект может быть выявлен в его собственной проблематической области – области существования, проживания жизни, а не редуцирован к теории субъекта¹: «...субъект в понимании Рикёра – это тот, кто, соотнося себя с реальностью, соотносит себя с самим собой. Субъект есть начало означивающей жизни, одновременно и зарождение выговоренного бытия (l'etre-dit), и говорящего бытия (l'etre-parlant) человека. И психоанализ, и структурализм внесли свою лепту в обновление субъекта, при этом, считает Рикёр, уроки и того, и другого следует осмысливать совокупно» [1, с. 32]. Определяя субъект как говорящее бытие, Рикёр подчёркивает значимость речи, поскольку речь – первичное высказывание, проговаривание живого опыта человека. Однако Рикёр не стремится противопоставить язык и речь, напротив, философ видит задачу философской герменевтики «...в отыскании новой модели интеллигибельности, благодаря которой язык предстанет не структурой и не событием, а бесконечным обращением одного в другое средствами дискурса» [1, с. 31]. Таким образом, дискурс у Рикёра предстаёт в качестве пространства соединения языка и речи, структуры и события. В балансе между этими двумя полюсами Рикёр полагает работу философской герменевтики по расшифровке живого опыта, бытия человека. Если в феноменологической онтологии Рикёра речь является первичной попыткой осмыслить живой опыт, а язык становится структурой, в которой конституируются такие попытки, то мы можем обнаружить в этом черты феноменологии, которую представляет нам Рикёр.

В соответствии с таким видением философской герменевтики Рикёр определяет задачу «философской антропологии в выяснении того, в каких онтических структурах возникает язык» [4, с. 371]. В решении этой задачи философская герменевтика обращает внимание на символическую функцию языка и проблему рождения смысла, выраженного в языке [1, с. 25]. Символическая функция языка, которую можно выявить в текстах, свидетельствует, согласно Рикёру, что «язык “взрывается” и устремляется навстречу

¹ В структуралистской лингвистике «субъект» как предмет исследования представлен в личном местоимении и структурой отношения лица при употреблении глагола (см.: [1, с. 31]).

к иному, чем он сам; этот взрыв есть говорение» [1, с. 26]. Символизм в тексте обладает структурой двойного смысла, в которой буквальный смысл отсылает к иносказательному экзистенциальному смыслу [1, с. 26]. Эта особенность символизма выявляет в тексте не только систему значений, но вместе с тем и понимание мира, живой опыт говорящего. Таким образом, согласно Рикёру, символизм обнаруживает взаимосвязь и укоренённость языка и речи в бытии, поскольку позволяет выявлять неоднозначность самого бытия во множественности смысла и наоборот.

Однако важно отметить, что и язык конституируется этими множественными смыслами в виде значений: «В ходе времени значения выпадают в осадок, так что последнее значение всегда несёт в себе предшествующее значение» [1, с. 26].

Для исследования проблемы символической функции языка в дальнейшем² Рикёр применял «более подходящий инструментарий» – метафору: «В метафорическом выражении, нарушающем семантическую правильность фразы и несовместимом с её буквальным прочтением, Рикёр обнаруживает осуществление человеческой способности к творчеству: поэзия с помощью метафоры “переописывает мир”» [1, с. 33–34]. Метафора позволяет работать с проблемой языка и речи уже на уровне фразы, высказывания, а она в свою очередь обнаруживает уже сам акт говорения как рассказ. Для рассказа через концепцию так понятой метафоры Рикёр выстраивает онтологию – нарративную онтологию, обосновывая её через продуктивное воображение.

В противовес изношенной метафоре Деррида Поль Рикёр предлагает концепцию живой метафоры, которая основывается на нарративной онтологии. Главный тезис Рикёра, который является сильной стороной его концепции метафоры, гласит, что метафора рождается на пересечении дискурсов. Из этого следует, согласно Рикёру, что метафора провоцирует семантический прирост в дискурсе. Данные функциональные процессы, инспирируемые метафорой, справедливы как для поэтического дискурса, так и для философского дискурса.

Исследование Рикёра о метафоре происходит в рамках теории референции, которая раскрывается им на двух уровнях: семантики и герменевтики: «На первом уровне он (вопрос о референции. – В.О.) относится только к дискурсивным сущностям ранга фразы. На втором уровне он обращается к сущностям, превышающим фразу. Именно на этом уровне проблема приобретает свой подлинный размах» [3, с. 176]. Стоит отметить, что именно на втором уровне – герменевтики – мы видим концепцию метафоры Рикёра в свете феноменологии, где выявляется специфический для феноменологии теоретический каркас концепции метафоры в философском дискурсе. Примечательно, что исследование Рикёра фактурно раскрывает проблему различия между значением и смыслом, которое выявляется на примере работы метафоры в дискурсе.

² В 70-е годы (см.: [1, с. 33]).

Концепция метафоры Рикёра основывается на следующих ключевых утверждениях:

- (1) Метафора рождается на пересечении дискурсов.
- (2) Метафора, а соответственно, и дискурс отсылают, по выражению Рикёра, к вне-языковой действительности, т.е. к миру (поэтический дискурс).
- (3) Метафорический смысл рождается не на уровне слова, а на уровне высказывания.
- (4) Философский дискурс – умозрительный дискурс – обладает определённой автономией от поэтического дискурса.
- (5) Смысл рождается из употребления в дискурсе (интерпретации) за счёт смещения, которое происходит вследствие смещения смысла, инспирируемое метафорическим смысловым сдвигом между буквальным и собственным – конфликтом интерпретаций.

По выражению Ф. Станжевского, Рикёр «...ставит целью раскрыть глубинную способность языка к развёртыванию реальности в её основополагающем онтологическом измерении. В самом деле, Рикёр глубоко убеждён в том, что метафора не только не является лишь языковым украшением, но, напротив, лежит у истока творческой силы языка, его сокровенной пульсирующей жизни» [2, с. 106]. В этом, пожалуй, главное отличие позиции Рикёра в отношении метафоры по сравнению с Деррида и главный его тезис против последнего. Живая метафора, по Рикёру, – это некоторое явление в языке, которое стремится за его пределы. Таким образом, живая метафора преодолевает трансцендентальность к трансцендентности. Концепцию живой метафоры Рикёр основывает на герменевтике и феноменологии. Герменевтика наделяет метафору некоторым онтологическим измерением – область мира или умозрительная сфера, которая позволяет трактовать её как некоторое выходение за пределы исключительно трансцендентальной сферы. Влияние феноменологии прослеживается в направленности, своего рода интенциональном характере метафоры, поскольку метафора всегда отсылает к чему-то (мир/умозрительная сфера).

Метафора для Рикёра – это не фигура и не троп, а принцип переноса: «Как для Аристотеля, для Нельсона Гудмана метафора не является лишь одной из фигур дискурса, но принципом переноса, общим для всех: если в качестве путеводной нити взять понятие “схемы” или “сферы”, а не понятие “фигуры”, то в первую группу можно включить все переносы из одной сферы в другую без пересечения: от человека к вещи (персонификация), от целого к части (синекдоха), от вещи к свойству или ярлыку (антономазия). Во вторую группу мы поместим все переносы из одной сферы в другую в пересечении: смещение вверх (гипербола), смещение вниз (литота). Для третьей группы мы оставим переносы без изменения объёма: например, переворачивание места в иронии» [3, с. 197–198]. Рикёр производит анализ работы метафоры не на уровне слова, потому он выступает с позиции критики теории референции, а на уровне высказывания,

анализ которого всегда задействует контекст, т.е. дискурс. Отметим, что к *метафорическим трансформациям* Рикёр относит *практически все виды тропов*, которые Деррида отличал от метафоры.

Такой шаг в отношении интерпретации метафоры закономерен, исходя из тезиса о пересечении дискурсов, где возникает метафора, и её функциональных свойств, которые наполняют метафору смыслом не на уровне слова, а на уровне высказывания и интерпретации в дискурсе. Для Рикёра метафора имеет дело не столько с референцией, сколько с формированием смысла. И как таковая метафора обеспечивает соединение разных дискурсов и их концептуального содержания. Анализ метафоры Рикёр сосредотачивает на тех эффектах, явлениях и трансформациях, которые вызывает метафорическая работа в дискурсе.

Критикуя теорию референции, Рикёр подчёркивает значение метафоры для дискурса тем, что *теория референции игнорирует внутренние семантические процессы, происходящие в дискурсе, запускаемые метафорой*. Рикёр полагает, что метафорическое воздействие намного шире, чем игра значений, которая приписывается метафоре теорией референции. Определение метафоры как принципа переноса позволяет Рикёру утверждать, что *метафора принимает участие в реорганизации мира в той степени, в которой функция переноса выявляет бытие вещей*: «Не являются ли “уместность”, “адекватность” некоторых словесных и невербальных предикатов указанием на то, что язык не только иначе организовал действительность, но и выявил способ бытия вещей, который благодаря семантической инновации получает своё выражение в языке? Загадка метафорического дискурса, видимо, и состоит в том, что он “изобретает”, причём в двойном смысле слова: он открывает то, что создаёт; и изобретает то, что обнаруживает» [3, с. 200].

В этой связи Рикёр описывает действие метафоры в дискурсе в терминах *концептуальной миграции, метафорического импорта*. Рикёр, так же как и Деррида, прибегает к метафорам для описания метафоры как таковой. Однако Рикёр не стремится определить понятие метафоры из череды метафор-философем, метафор-тропов, метафор-фигур. Рикёр руководствуется её функциональной ролью и ориентируется на трансформации, происходящие в дискурсе под воздействием метафор. По этой причине «концептуальная миграция», «метафорический импорт» являются описанием именно таких изменений в дискурсе: «Метафора развёртывает свою способность реорганизовывать видение вещей, когда переносу подвергается вся эта “сфера” в целом: например, звуки переносятся в визуальный порядок. Говорить о звучании картины означает не только переселять отдельный предикат, но и обеспечивать вторжение целой новой сферы на чужую территорию; знаменитый “перенос” становится концептуальной миграцией, наподобие заморской экспедиции с оружием и багажом. Здесь интересно следующее: оказывается, что организация, осуществляемая в чуждой области, направляется через применение всей сети связей в исходной

области. Это означает, что если выбор территории вторжения произволен (что угодно похоже на что угодно, с некоторой разницей), то применение ярлыков в новой области руководствуется предыдущей практикой: так, использование выражения “высота чисел” может направлять использование выражения “высота звуков”» [3, с. 196–197]. Концептуальная миграция, как видно из приведённой цитаты, является ключевым эффектом метафоры для дискурса, поскольку она и есть свойство переноса, о котором мы говорили ранее. Это важное явление, которое рассматривает Рикёр в контексте роли метафоры, которое наиболее её характеризует. Можно заметить, что метафора вовлекает в этот процесс не только значение, но и некоторую сеть связанных с ним концептуальных содержаний из другой сферы.

Концептуальная миграция – это *первый момент* в концепции живой метафоры. *Второй* не менее важный *момент*, о котором говорит Рикёр в связи с метафорой, – это метафорический импорт: «То, что называют выражением, является метафорическим обладанием репрезентативного порядка. В рассматриваемом примере грустная картина являет собой случай метафорического обладания тем репрезентативным “образцом”, который экзemplифицирует репрезентативный “ярлык”. Иначе говоря, “то, что выражено, метафорически экзemplифицировано”... Выражение (грустный), таким образом, не менее реально, чем цвет (голубой). Хотя выражение невербально и небуквально, репрезентативно и обусловлено переносом, оно тем не менее “истинно”, если только адекватно. Выражение конституируется отнюдь не воздействием на зрителя: ведь я могу уловить грусть картины, не становясь от этого грустным; сколько ни старается “метафорический импорт” превратить этот предикат в приобретённое свойство, выражение является именно обладанием вещью. Картина выражает свойства, которые она экзemplифицирует метафорически в силу своего статуса живописного символа: “картины уже не более защищены от формирующей силы языка, чем остальной мир, хотя они сами, как символы, имеют власть над миром, в том числе над языком”...» [3, с. 198].

В данном случае мы имеем дело с основанием концепции живой метафоры, которое выражается в тезисе о её скрытой направленности к миру. Живая метафора черпает свою силу в мире, к которому отсылает. Однако Рикёр стремится доказать не только связь метафоры с миром, но и её роль в «переделывании реальности». С точки зрения Рикёра, функция переноса метафоры не исчерпывается рокировкой значений, она участвует в формировании смысла. В этом процессе метафора черпает свою силу из мира, что и делает её «живой», и вместе с тем она сама «способствует переописанию действительности» [3, с. 199], «конфигурации мира» [3, с. 199]. Аргумент Рикёра состоит в том, что метафора первично создаёт семантическую новацию в стремлении описать бытие, а затем выходит на свет языка, формируя и меняя его под описываемую ею действительность. Таким образом, живая метафора состоит не только в направленности на мир, но и в первую очередь в том, что она позволяет родиться *новому смыслу*.

Новый смысл здесь высказывает новый «вид» обладания бытия. Эффект метафорического импорта имеет здесь негативную коннотацию, как если бы метафора понималась как элемент (троп/фигура) языка. В данном случае Рикёр действует как феноменолог, когда подвергает описательную референцию своего рода эпохэ, которое позволяет обнаружить первостепенную связь метафоры и мира (бытия). Отметим, что явления метафорического импорта с формальной точки зрения сохраняют свою актуальность, когда речь идёт о пересечении дискурсов, поскольку перенос значений вовлекает всё же концептуальные трансформации в дискурсе-импортере. Можно сказать, что метафорический импорт (игра значений, которая вовлекает в это движение связанные значения и понятия) – это в определённой степени составляющая часть концептуальной миграции.

Вышеизложенные свойства метафоры в поэтическом дискурсе, с точки зрения Рикёра, обосновывают и доказывают тезис, что поэтическое произведение проецирует мир. На основании этого философ со ссылкой на исследования Макса Блэка и Курта Льюина заключает, что в дискурсе о метафоре уместно говорить как о *метафорической сети*. Тезис Рикёра, согласно которому метафора представляет собой принцип переноса, а не просто аналогию, фигуру или троп языка, наделяет такую метафору онтологическими свойствами: теперь она не просто является средством выражения, но она участвует в конфигурации мира. Вместе с тем данный тезис позволяет включить в её состав многие другие «тропы», которые основываются на этом принципе (гипербола, синекдоха, литота и т.д.). На этом основании и базируется положение о метафорической сети, которая, согласно Рикёру, позволяет подчеркнуть характер метафоры в свете её способности к переописанию: «Это замечание чрезвычайно важно: вместе с Нельсоном Гудманом мы уже почувствовали необходимость подчинить отдельные “фигуры” “схемам”, управляющим “сферами”, например, сферой звуков, целиком перенесённых в визуальный порядок. Можно ожидать, что референционная функция метафоры переносится метафорической сетью, а не отдельным метафорическим высказыванием. Впрочем, я предпочитаю говорить о метафорической сети, а не об архетипе, в связи с тем употреблением, которое последний термин имеет в юнговском психоанализе. Парадигматическая сила этих двух видов метафор связана как с их “радикальностью”, так и с их “взаимосвязями”. Философия воображения должна прибавить к простой идее “усмотрения новых связей”... идею проникновения вглубь посредством “радикальных” метафор и вширь посредством “взаимосвязанных метафор”...» [3, с. 204–205].

Метафорическая сеть – важный пункт в концепции метафоры Рикёра, поскольку она дополняет тезис о концептуальной миграции, происходящей в дискурсе. Метафорическая сеть основывается на корневых метафорах, которые обеспечивают связь между метафорами и делают возможной референциальную функцию. Указанный принцип организации метафор в дискурсе в метафорическую сеть объясняет процессы трансформации

внутри концепций. В первую очередь реконfigurацию концептуальных связей, вызванную пересечением концепций в метафоре и последующим смещением семантических полей внутри концепции.

Если положение о концептуальной миграции прояснено и интуитивно ясно, что здесь так или иначе присутствует внутриязыковой процесс, то ключевой тезис о направленности метафоры к вне-языковой реальности требует от Рикёра дополнительного обоснования. На этом этапе Рикёр обращается к понятию *метафорической истины*. В этом аспекте мы уже ближе подходим к проблеме философской метафоры, которая представляет собой наиболее сложный с теоретической точки зрения момент концепции живой метафоры: «Эти три применения идеи напряжения остаются на уровне смысла, имманентного высказыванию, хотя второе из них вводит в действие операцию, внеположную высказыванию, а именно диалог, тогда как третье относится уже к глаголу-связке, но в его реляционной функции. Новое применение касается самой референции и притязания метафорического высказывания на то, чтобы определённым образом достичь реальности. Выражая это наиболее радикальным образом, нужно ввести напряжение в метафорически утверждаемое бытие. Когда поэт говорит: “Природа – это храм, где от живых колонн...”, глагол “быть” в выражении “природа есть храм” не просто связывает предикат “храм” с субъектом “природа” по способу тройного напряжения, о котором мы только что сказали; глагол-связка имеет не только реляционный характер: кроме этого, он ещё предполагает, что посредством предикативного отношения переписывается то, что есть; он говорит, что именно так обстоит дело» [3, с. 208–209].

П. Рикёр ставит вопрос о необходимости исследования нечто подобного метафорической истине, что и делает концепцию живой метафоры теорией метафоры: «В то же время она подчёркивает предельную парадоксальность метафорического понятия истины. Парадокс заключается в том, что не существует другого способа воздать должное понятию метафорической истины, кроме как включить критическое острие “не есть” (буквально) в онтологический порыв “есть” (метафорически). В этом отношении тезис лишь извлекает самое крайнее следствие из теории напряжения: точно так же, как логическая дистанция сохраняется в метафорической близости, и так же, как невозможная буквальная интерпретация не просто упраздняется метафорической интерпретацией, но уступает ей, сопротивляясь, – точно так же онтологическое утверждение подчиняется принципу напряжения и закону “стереоскопического видения”» [3, с. 217]. Можно заметить, что концепция живой метафоры и обоснования её направленного к миру характера приняла форму парадокса. С одной стороны, проблема обоснования данного тезиса связана с проблемой психологизма, поскольку метафора апеллирует к образам, что вводит в игру проблему воображения и в целом проблему познания. Именно это мы видим, когда Рикёр в вопросе наименования метафорической связанности отказывается

от понятия архетипа в пользу понятия сети. С другой стороны, проблема анализа специфического вида метафоры – философемы – также вносит неопределённость. В первую очередь мы видим это в попытке Рикёра проанализировать проблему тождества и различия на примере глагольной связки «быть».

Отдельную нишу в концепции живой метафоры занимает философская метафора. Рикёр, как мы уже говорили, утверждает некоторую автономию умозрительного дискурса по отношению к поэтическому дискурсу, несмотря на то, что различие между смыслом и референцией остаётся актуальным для любого дискурса. Для доказательства и демонстрации работы метафоры в философском дискурсе Рикёр избирает проблему бытия у Аристотеля. Проблема аналогии, которая, как мы помним, всегда ассоциируется с действием метафоры, раскрывается философом в терминах пересечения дискурсов, из чего следуют два важных утверждения:

1. приложение понятия аналогии к последовательному ряду значений бытия тоже является случаем пересечения между сферами дискурса [2, с. 122]. В первую очередь Рикёр анализирует пересечение между онтологическим и теологическим дискурсом;
2. «...показать, как, входя в сферу проблематики бытия, аналогия одновременно привносит сюда свою собственную понятийную структуру и сама получает трансцендентальное определение от той области, к которой она применяется» [2, с. 122].

Для метафоры в философском дискурсе П. Рикёр анализирует понятие аналогии и утверждает, что оно, приобретая трансцендентальную функцию, не возвращается к поэзии, но «...сохраняет изначальное отклонение от неё, порождаемое вопросом о том, что такое бытие» [2, с. 122]. Рикёр стремится доказать онтологические свойства метафоры, адаптируя своё исследование о метафоре в поэтическом дискурсе для проблемы философской метафоры. В приведённых цитатах мы можем обнаружить, что его собственная концепция живой метафоры для философской метафоры избегает проблемы самоимпликации только за счёт тезиса о пересечении дискурсов и уточнения, что философская метафора направлена на само бытие, от которого получает свою силу, а вместе с тем и весь философский дискурс также получает эту силу.

Анализ бытия в контексте концепции живой метафоры проясняет философскую метафору герменевтически. Для объяснения принципа переноса метафоры онтологического и теологического дискурса философ использует слова в метафорическом смысле: «Сходство причинности сопротивляется рассеиванию логических классов, которое, в пределе, принудило бы нас к молчанию. Во взаимодействии Бытия и Высказывания, когда Высказывание вот-вот будет принуждено к молчанию под тяжестью разнородности бытия и сущих, само Бытие придаёт новую силу Высказыванию при помощи скрытых непрерывных связей, сообщающих Высказыванию аналогическое расширение его значений. Но тем самым аналогия

и причастность оказываются поставлены в зеркальное отношение, когда понятийное единство и единство реальное точно соответствуют друг другу» [2, с. 132]. В самом бытии Рикёр видит источник движущей силы высказывания: там, где высказывание наталкивается на логические границы, бытие пробуждает скрытые связи внутри него, привнося рост и развитие семантического.

Метафора и язык, согласно Московской антропологической школе, не являются тождественными, поскольку метафора представляет собой нечто из мира грёз, единственная собственно человеческая реальность – это спонтанно создаваемый человеком мир грёз. Метафорическая истина, в терминологии П. Рикёра, позволяет человеку понимать мир, делать его понятным себе, но самое главное – метафора позволяет переописывать мир (нарративная онтология).

Список литературы

1. Вдовина И.С. Диалог, или конфликт интерпретаций // Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. С. 5–36.
2. Рикёр П. Живая метафора. Восьмой очерк: метафора и философский дискурс / Предисл. и пер с фр. Ф. Станжевского // Horizon. Феноменологические исследования. 2013. № 2 (2). С. 106–150.
3. Рикёр П. Живая метафора. Седьмой очерк: метафора и референция / Пер с фр. Ф. Станжевского // Horizon. Феноменологические исследования. 2015. № 4 (1). С. 175–219.
4. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.

HERMENEUTICS

Varvara Oleinik

Master of the Faculty of Philosophy.
Lomonosov Moscow State University.
Lomonosovsky prospect 27/1, Moscow 119991, Russian Federation;
e-mail: varvara994@yandex.ru

RE-DESCRIBING THE WORLD: A METAPHOR ON THE WAY TO BEING HUMAN

The article analyzes P. Riker's philosophy of dialogue – the philosophical and anthropological concept of man as a speaking being (*l'être-parlant*) in the context of the problem of metaphor. The dyad of language/speech, subject/human is considered. In this regard, the role of metaphor as a symbolic function of language in poetic and philosophical discourses is analyzed. The article considers Riker's thesis on metaphorical truth and the connection of a living metaphor with human existence.

Keywords: living metaphor, world, man, philosophical hermeneutics, subject, Riker, symbolic function of language, speech, discourse, being

References

1. Ricœur, P. "Zhivaya metafora. Sed'moi ocherk: metafora i referentsiya" [A Living Metaphor. Seventh Essay: Metaphor and Reference], transl. F. Stanzhevsky, *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya*, 2015. No. 4 (1), pp. 175–219. (In Russian)
2. Ricœur, P. "Zhivaya metafora. Vos'moi ocherk: metafora i filosofskii diskurs" [A Living Metaphor. Eighth Essay: Metaphor and Philosophical Discourse], preface and transl. F. Stanzhevsky, *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya*, 2013, No. 2 (2), pp. 106–150. (In Russian)
3. Ricœur, P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenевtike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics], transl. I.S. Vdovina. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2008. 695 pp. (In Russian)
4. Vdovina, I.S. "Dialog, ili konflikt interpretatsii" [Dialogue, or Conflict of Interpretations], in: P. Ricœur, *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenевtike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics], transl. I.S. Vdovina. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2008. P. 5–36. (In Russian)